

«ЦЕНЮ, ОЧЕНЬ ВЕРЮ, СОМНЕВАЮСЬ, УБЕЖДЁН...»

ГОРЬКОВСКАЯ ПРИЗМА МИРОСОЗЕРЦАНИЯ А.С. МАКАРЕНКО

БОЛЕЕ Сорока лет в СССР наследие А.С. Макаренко интерпретировалось как педагогическое.

С конца 80-х годов в России набирает силу тенденция прочитывать Макаренко широко,

без педагогических штампов, хотя и с разной степенью убедительности.

Татьяна Кораблёва,

доцент Российского государственного медицинского университета, президент Международной Макаренковской ассоциации, кандидат философских наук

Задача воссоздания философских установок Макаренко, чаще всего неотрефлексированных, находится в прямой связи с особенностями его мирозерцания. Ключом к решению этой задачи, по моему мнению, может стать мировоззрение А.М. Горького. Значительно большая выявленность у Горького философско-религиозных исканий позволяет считать его мировоззрение увеличительной призмой мирозерцания А.С. Макаренко. Этот приём позволяет задать особую оптику, при помощи которой можно приблизить к себе и более пристально взглянуть в, казалось бы, известные мысли Макаренко в историко-культурном контексте.

Личному знакомству и дружбе, продолжавшимся с 1925 года до смерти Горького в 1936 году, предшествовало открытие Макаренко-читателем в возрасте 15 лет (1903) нового имени автора «Песни о буревестнике», «Челкаша», «На дне». Вспоминая об этом этапе своей жизни, Антон Семёнович называет горьковские произведения огненной стрелой на сером небе скучного провинциального захолустья. Для него их чтение — не развлечение, а настоящий переворот в душе. Макаренко говорил о том, что в Горьком они чувствовали какие-то кусочки самих себя, может быть, бессознательно видели прорыв «нашего брата в недоступную для нас до сих пор большую культуру».

А.М. Горький — явление не только литературное, но и общественное, философское, религиозное, политическое. Не будучи ни материалистом, ни марксистом, он по праву считается одним из основателей духовной культуры советского общества. Влияние Горького на Макаренко можно считать формирующим, что стало возможным благодаря близости их духовного типа.

Свои философские установки, принципы Макаренко нигде не излагает последовательно, связно. Педагогические, психологические, философские темы развиваются одновременно, взаимодействуя между собой, усиливая или ослабляя друг друга, образуя некое гармоническое целое.

Традиционно философская тема — отношение субъекта к природе как онтологической реальности — существует и в наследии Макаренко. В нашем случае отношение Макаренко к природе будет включать и его подход к природе человека.

Отношение к природе

В макаренковском мировоззрении нет природы самой по себе, как ценности. Есть только образ преобразованной, облагороженной человеческим гением земли. В письме Фёдору Борису (15 августа 1938 года), экзистенциально насыщенном тексте, Макаренко пишет: «Я люблю жизнь такой, как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы. Природа придумала свои законы, придумала смерть, только один человек научился с нею бороться и научился плевать на смерть, хотя и узнал смерть. ... Я живу потому, что люблю жить, люблю дни и ночи, люб-

лю борьбу и люблю смотреть, как растёт человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой. Мне всё это нравится. Я уверен, что люди и дальше будут бороться с природой, научатся жить лучше и дольше, но всё равно они всегда будут жить приблизительно так, как и я, с той же полнотой радости и горя, т.е. с полнотой ощущения».

А.М. Горький, духовный учитель А.С. Макаренко, выражает тот же пафос преодоления, преобразования человеком природы как мира хаоса, неупорядоченности, неизвестности. В письме литературному критику Воронскому Горький пишет: «Не стыжусь сознаться, что космос меня мало интересуется. Закономерность явлений космоса я всецело приписываю мощным усилиям разума и воображения видеть бытие как гармонию, и, так как наша наука гармонию эту установила, — меня космос интересуется только со стороны его влияния на литературу, как хорошая тема для поэтов. Миры возникают и гибнут, ну и прекрасно! Займёмся своим, земным делом, не менее прекрасным».

А страстные слова из письма Горького к Макаренко (03.06.1926) можно считать манифестом культуртрегера, направленным своему единомышленнику: «Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали её плодородной, мы украсили её городами, избородили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни».

Очень совпадает, разумеется, не случайно, отношение того и другого к крестьянству как к тёмному мешанскому миру, с патриархально отсталым («нецивилизованным») хозяйством, а для Макаренко отягощённое ещё и постоянной угрозой колонии — вследствие её места расположения — пьяных драк и распрей.

Хаосу и смуте противостоит у Макаренко идеально организованное хозяйство колонии и коммуны. Оранжереи с цветами, теплицы, чистота и ухоженность спален,

столовой, служебных помещений, форма воспитанников, ритуалы, чёткий ритм всего учреждения — достаточное основание сказать, что это деятельность цивилизатора, западника, культуртрегера, такого же борца с «безобразной русской ленью» и «разболтанностью», как и Максим Горький. Известен факт, что Горький поддерживал большевиков именно в их планах коллективизации. Для него это подавление анархизма и азиатчины русского крестьянства. Его безволие и пассивности Горький противопоставляет европейские идеалы активности, неутомимости в работе, веры в силу разума.

Антон Семёнович видел в коллективизации также гораздо более глубокое и масштабное явление, чем политико-экономические действия Советской власти. «Коллективизация, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремлённого перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества», — пишет Макаренко.

Самым прямым образом с этим комплексом вопросов связано и макаренковское понимание социализма (как упорядоченности и закономерности, противоположных хаосу капиталистического рынка, случайностям судьбы): «Судьба — страшный символ случайности, зависимости его от стихии, насилия и грабительства сильных». Социализм, по Макаренко, построен на разумной идее солидарности. «Расширяясь до философских обобщений, — рассуждает он, — идея солидарности захватывает все области жизни: жизнь есть борьба за каждый завтрашний день, борьба с природой, с темнотой, с невежеством, с зоологическим атавизмом, с пережитками варварства; жизнь — это борьба за освоение неисчерпаемых сил земли и неба... А результатом этой борьбы должен стать Новый Человек, ... новый строй человеческих отношений, новая нравственность и новое право, основанием для которых является победившая идея солидарности».

Основой отношения к крестьянству, социализму является активно-преобразо-

Международное бюро просвещения в составе ЮНЕСКО в конце ушедшего века назвало 100 педагогов-философов, образующих собой «Галактику пайдейи», отражающую разные культуры, цивилизации, эпохи. Пространство русской культуры представлено именами П.П. Блонского, Л.С. Выготского, А.С. Макаренко, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского.

вательное отношение к природе (далее в тексте — *активизм*). Активизм порождает антропоцентризм (порой крайний), культ человека, его разума как абсолютного совершенства в противоположность слепой природе.

Обратимся вновь к Горькому. Он противопоставляет человека природе, слепой и косной материи, а разум — инстинкту: «Как могла произвести слепая природа такое чудо, как человек? Человек преодолел природу собственными силами, может быть, даже таинственными. Природа создала человека четвероногим зверем, ничтожеством против других зверей — он должен был сам дорасти до Архимеда...»

Подход Макаренко к человеку, включая и его природу, в той же, общей с Горьким, культурно-преобразовательной парадигме. Однако у Горького не исключено мистическое преодоление человеком самого себя. А у Макаренко педагогичность мышления оберегает его от крайнего радикализма философии активизма.

Человек, по Макаренко, явление культурно-историческое, самоценное на любом отрезке жизни. В рассуждениях о природе человека у него проявляется заметная осторожность. Односторонность подходов Руссо и Ломброзо он комментирует весьма резко, признавая как факт взаимодействие социального и биологического в человеке, очевидного даже с позиций простого здравого смысла. Категория здравого смысла нередко становится у Макаренко арбитром в сложных жизненных коллизиях. Избегая тем биологической предопределённости, значения инстинкта, влечения, страстей, он тем не менее указывает на недопустимость связывания биологической наследственности только с негативными проявлениями личности. Биологическая предопределённость может быть и положительной (физическая сила, ловкость, сообразительность, изобретательность), однако именно на этой основе преобладания над другими может сформироваться антисоциальный уклон.

Более того. Активность советской педагогики Макаренко выводит именно от-

сюда, из положительной «биологической картины» личности, минуя распространённую бинарную оппозицию: биологические элементы — это «ведьмы и водяные», всякая нечисть, а социальные элементы — только хорошее, формируемое педагогами-марксистами. Именно это обстоятельство — возможность социального выпадения при самых благоприятных биологических условиях — позволяет современной советской педагогике считать главным фактором социальный. Поэтому говорить о значении только дефектов [биологической] конституции — значит именно сбиваться на старую дорожку теории о прирождённой преступности».

Приведу пример макаренковской тактики в адрес одного, очень трудного воспитанника:

«Биологические элементы существуют: мы, например, серьёзно подозреваем, что у Болотова не всё благополучно с биологией. ... В какой-то мере личность свободна в проявлении своих биологических особенностей, в какой-то не свободна. Там, где биологические аппетиты идут против линии коллектива, там начинается борьба. ... Нам поэтому нет никакого дела до болотовских биологических предрасположений, мы не будем с ними считаться и равняться по ним. ... Мы ничего не изменим в его биологической структуре, но мы сообщим этой структуре привычку встречать сопротивление в определённых местах. ... Наш путь единственный — упражнение в поведении и наш коллектив — гимнастический зал для такой гимнастики. Биологические элементы, даже самые несимпатичные, в течение целого дня тренируются, и Болотов вместе со всеми».

Макаренко не ставит задачу проникновения в «природу человека», отрицает наличие специфической «дефективной» психики. Отклоняющееся поведение свидетельствует для него об испорченных взаимоотношениях личности с обществом. Отсюда перевоспитание — это не какой-то особый по сравнению с обычным воспитанием процесс, требующий особой логики. Преобразовательную активность

коллектив должен направлять даже не на саму личность, а на её производное — опыт.

Воспитание — это целенаправленный процесс формирования социально ценного опыта при условии, что он протекает в здоровом и социально ценном коллективе. Это зарождение новых мотивов поведения, привычек, чувств, отношений с «ближними» и «дальними» людьми. «Поэтому мы не будем придирается к болотовскому сознанию до тех пор, пока не организуем его опыт», — резюмирует Макаренко.

Но, может быть, Макаренко не углубляется в пучины психики потому, что современный ему уровень развития наук о человеке явно недостаточен?

Возьмём, например, фрейдизм, современный Макаренко, занимающийся интерпретацией глубинных проблем психики (подсознания) и чрезвычайно популярный в 20-е годы. Отношение Макаренко к фрейдизму можно попытаться смоделировать.

Если взять за точку отсчёта позицию Макаренко-педагога, то отношение к фрейдизму как одному из научных направлений не будет принципиально отличаться от уже известных высказываний его в адрес психологии, рефлексологии, педологии.

Для Макаренко, разумеется, важен уровень развития наук, но важно и то, что при любом уровне их развития они всегда будут играть вспомогательную роль относительно педагогических методов, а цель воспитания — принципиально невыводима из данных наук. Науки о человеке, по Макаренко, развиваются и, возможно, в ближайшее десятилетие «...и психология, и биология дадут точные положения о поведении человеческой психики, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки». И далее. «А знание психологии, знание детской души, знание каждого отдельного человека только помогает нам приложить наш метод наиболее удобно в одном случае, несколько отлично — в другом».

Обосновывая невыводимость педагогических целей, Макаренко имеет в виду

педологию, но его аргументы подходят и для фрейдизма. «Основное, чем я хочу характеризовать педологию, это определённая система логики, — пишет Макаренко. — Система такая: надо изучать ребёнка. Изучая его, мы что-то найдём, а из того, что мы найдём, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребёнком нужно делать».

Вывести педагогический метод из рефлексологии, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности — это и есть педологическое направление.

Необходима другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей. Мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы — сторонники активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека».

По логике Макаренко, для педагогических целей активной педагогики открытия фрейдизма малозначимы, бесперспективны, возможно, только пока. Стало быть, педагогической точкой зрения и объясняется равнодушие Макаренко к фрейдизму.

Если же рассуждать с позиции Макаренко — социального реформатора, активно интересовавшегося психологией и считавшего, что ей принадлежит будущее, то его молчание относительно такой заметной и распространённой теории требует объяснения. Как известно, Макаренко называл среди психологов не только того, кого очень ценил (Л. Петражицкий), но и того, кем был разочарован (А. Лазурский), и даже тех, с кем был не согласен (А. Залкинд, А. Залужный). Фрейда среди них нет. Однако это не связано с незнанием или недоступностью источников по психоанализу.

В России и до революции, и после — в 20–30-е годы — обстановка как нельзя лучше благоприятствовала развитию психоанализа. Здесь работали психоаналитики, прошедшие обучение непосредственно у Фрейда и его учеников (С. Шпильрейн, Н. Осипов, М. Вульф, М. Асатиани и др.). Издавалось множество специальной литературы, включая русские переводы оригинальных работ основателей школы. Наконец, в Москве раньше, чем на родине психоанализа, открылось Психоаналитическое общество. Ни в молодые, ни в зрелые годы Макаренко не касается этой темы, кроме одного малозначимого комментария. Пожалуй, это осмысленная позиция умолчания.

В письме К.С. Кононенко к А.С. Макаренко (от 11.11.1937 г.) Константин Семёнович делится с Макаренко своим пониманием психологического конфликта героев «Книги для родителей» явно с фрейдистских позиций. Прямое обращение к Макаренко по вышеназванному поводу имело шанс прояснить отношение педагога к теории психоанализа. Однако реакция Макаренко на письмо Кононенко неизвестна.

Можно высказать предположение экзистенциального порядка. Макаренко в силу особенностей своего мировоззрения и не мог желать для себя погружения в стихию, хаос пучины, чистую

природность. Его интересы и творческие приоритеты на стороне культуры, если мыслить её в противоположность природе. Это педагогически продуманная позиция культуртрегера.

Примечательно, что такой библиофил и книголюб, как Горький, также не называет Фрейда среди западноевропейских философов, оказавших на него влияние.

Значительный потенциал для обсуждаемой темы содержит макаренковская транскрипция педологии, хотя в современном макаренковедении можно считать достаточно выясненным суть этого вопроса. Негативизм Макаренко к педологии связан не с её эмпиризмом и не с уровнем развития педологии. Это «болезни роста» новой научной дисциплины. К тому же педология 30-х годов уже начала преодолевать собственные ошибки. Негативизм связан с порочностью самой педагогической логики педологов и тем «жреческим» положением, которое они заняли в обществе, оттеснив педагогов. Вытекающая из этой логики пассивность следования либо за «обстоятельствами личности» (биологизаторы), либо за «обстоятельствами среды» (социологизаторы), нецелеустремлённость педагогики, отказ от целостности подхода к человеку в пользу произвольной «частичности» совершенно определённо не принимаются Макаренко и, что самое важное, не могли быть приняты, как и в случае с фрейдизмом, исходя из тех же причин — из активизма его философского мировоззрения.

Существует ещё один важный аспект отношения «Макаренко — педология», не нашедший отражения в современном макаренковедении. Из поля зрения исследователей выпадает тот факт, что были ведь и другие социологизаторы-педологи (П. Блонский, А. Залкинд), исповедующие гиперактивность в деле создания нового человека, труды которых были широко известны.

Замысел создания нового человека принадлежит не им. Задача большевиков по формированию нового человека, безусловно, существовала в этой, общей для первой половины XX века, культурно-исторической парадигме. Троцкий как главный идеолог большевиков формулирует задачу следующим образом: «Выпустить новое, «улучшенное издание» человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма». Главными, по его мнению, должны быть в этом проекте психология (вслед за Ницше) и педагогика — «царица общественной мысли» (Л. Троцкий).

Выготский, Блонский, Богданов, Бухарин, Луначарский, Крупская — каждый на своём месте принимал участие в этом величественном проекте. В речи на I-м Педологическом съезде (дек. 1927 — янв. 1928) Бухарин, например, говорит: «...влияние социальной среды играет большую роль, чем это обычно предполагают, изменения могут совершаться гораздо быстрее, и та глубокая реорганизация, которую мы называем культурной революцией, имеет свой социально-биологический эквивалент вплоть до физиологической природы индивидуума».

На этом же съезде глава педологов профессор А.Б. Залкинд утверждал: «Подавляющее большинство научных работников педологии в СССР придерживаются оптимистических взглядов на

возможности быстрой прогенеративной изменчивости человека в условиях развивающейся социалистической среды». Весь съезд проходит в духе «нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики». Очень близок к этому же пафосу А.А. Луначарский. Несколько смягчила крайности двух существующих в педологии направлений (био- и социогенетического) Н.К. Крупская, но принципиальных возражений от образованного и культурного руководства НКП всё-таки не последовало.

За несколько лет до этого, в 1922 г., в учебном пособии П.П. Блонский писал: «Наряду с растениеводством и животноводством, должна существовать однородная с ними наука — человеководство, и педагогика ... должна занять своё место рядом с зоотехникой и фитотехникой, заимствуя от последних, как более разработанных родственных наук, свои методы и принципы».

Л.С. Выготский, многим известный как «Моцарт в психологии», также без убедительных научных обоснований манифестирует: «Новое общество создаст нового человека. Когда говорят о переплавке человека как о несомненной черте нового человечества и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя».

Идея полного подчинения природы культуре, радикальной переделки человека (вплоть до его физиологии), переделки общества, государства на рациональных основах — была не только господствующей идеологией, но и главной интеллектуальной модой, повальным увлечением 20-х годов («Собачье сердце», «Роковые яйца» М.А. Булгакова, проза А. Платонова, поэзия Хлебникова и др.).

Трудно поверить, чтобы Макаренко не знал об этих идеях. Ими был полон сам «воздух советской жизни». Они были в литературе, публицистике, искусстве, в учебниках (Залкинд, Блонский). Они господствовали в НКП (Луначарский, Крупская), ГУСе (Блонский). Однако известно ли нам отношение Макаренко к столь радикально-

му проекту? Осуждая пассивность педологии, высказывается ли он против гиперактивности другой ветви той же педологии?

Макаренко тоже использует понятие «новый человек», но его понимание не имеет того радикализма, который свойствен идеологам, теоретикам, мечтателям, художникам. Можно зафиксировать макаренковский педагогический корректив, прилагаемый им самостоятельно к делу (проекту) создания нового человека. Иначе говоря, это вопрос о границах вторжения в личность, о целях и результатах воспитания.

Макаренко в деле воспитания ограничивается формированием социально ценного опыта жизни в коллективе и не более.

Будучи сторонником философского активизма и культуртрегером, Макаренко ведёт «бой с природой человека» вовсе не так, как можно было бы ожидать. Он не вторгается на чужую территорию и не пытается по собственному произволу, «на глаз» перестраивать, перекраивать, отсекал, уничтожать. Он скорее ведёт пропагандистскую войну относительно противника. В его войске такая дисциплина, бодрость, мажор, сплочённость, готовность к самому трудному делу, что противник сам начинает переходить границу и постепенно сливается с коллективом.

Проблема допустимой границы проникновения (вторжения) в личность есть проблема меры, определяемой у Макаренко педагогическим коррективом, основным на здравом смысле, на реальной моральной ответственности за судьбы конкретных людей.

Предлагаемое понятие педагогического корректива — производное от самостоятельности и гибкости макаренковского мышления, свободного от доктринёрства, что следует считать отличительной чертой его философского мировоззрения. Велик соблазн для творческого человека не устоять перед возможностью созидания в общемировом масштабе, дойдя до крайнего радикализма в осуществлении проекта «нового человека», к которому подталкивала сама эпоха, и что самое опасное — изнутри, само мировоззрение активизма

и культуртрегерства. И тем больше заслуги Макаренко перед современниками и историей.

Остановимся на парадоксальном выводе Макаренко, имеющем прямое отношение к данной теме, — о результативности воспитания. Это вывод о принципиальной условности воспитания. В работе «О коммунистической этике» (1939) педагог рассуждает о признаках коммунистического поведения, говоря, что как сознание способно скрывать своё истинное содержание, так и поведение, которое принято считать более надёжным свидетельством человеческой сущности, является лишь условным её обозначением.

«Даже огромные воспитательные программы прошлого (иезуитское воспитание, русские духовные семинарии и т.д.), в совершенстве приспособленные к своим воспитательным целям, рушились, выпуская богоборцев и революционеров, стяжателей и комедиантов, способствуя падению религиозности в народе. ... Организаторы не замечали, что они воспитывали систему условных обозначений, а вовсе не самую сущность личности.

Мы стоим перед вопросами коммунистического воспитания и не имеем права забывать об этой условности воспитательных процессов и их результатов...».

Если макаренковское понимание воспитания есть довольно быстрая организация нового опыта личности, а сознание и поведение должны опираться и вытекать из опыта, то ничто не мешает сделать вывод о том, что можно не один раз менять опыт в соответствии с новыми требованиями эпохи. Тогда что же воспитывается в личности — нечто устойчивое, сущностное или система условных обозначений, символов поведения, хотя и прорастающая навыками, привычками, отношениями, но всё-таки весьма переменчивая?

В этой точке Макаренко, думается, вплотную подошёл к проблеме экзистенциальности личности, свободы её проявлений.

Напомним, в случае с Болотовым Макаренко говорил: «...почти не бывало, чтобы через три-четыре месяца пацан не признал могучего авторитета коллектива и не покорился ему открыто и бесповоротно. Остались привычки, но не было у них корней, и с ними он первый начинал борьбу». Это можно считать точкой отсчёта формирования нового опыта. Что же можно считать конечной точкой? Обратимся вновь к Антону Семёновичу. Он пишет о том, что нельзя утверждать, будто за 3–4 года (средняя продолжительность жизни воспитанника в коллективе) можно создать нужный нам тип личности. Тем более что раннее детство (с 3 до 7[лет]) и после выпуска они вне поля нашего воздействия. «За это время мы должны настолько реорганизовать личность, чтобы она была вполне пригодна для жизни в нашем обществе...».

Макаренко добился значительных успехов в формировании личности нового типа. В свете различных подходов к пониманию личности в современной психологии Макаренко формирует направленность личности: иерархию мотивов, потребностей, ценностных ориентаций. Причём речь идёт о подчинении индивиду-

альной и общественной направленности при приоритете последней. С точки зрения указанного подхода Макаренко формировал сущностные проявления личности.

Однако сам Макаренко, отстаивая целостность подхода к личности, не стремился воспитывать в ней «всё», что вполне могло вытекать из культурно-преобразовательной парадигмы его философского мировоззрения. Отдавая предпочтение воспитанию типа личности, «реорганизации личности» (направленности), он и в этом случае воздерживается от категорических суждений о формировании им «сущности» личности. Как выясняется, сам Макаренко был значительно осторожнее в оценках результатов своей работы, чем его последующие интерпретаторы.

Радикальнейшие культурно-исторические проекты первой половины XX века по преобразованию человека могли возникнуть только при наличии в обществе необходимых условий. Одним из них можно считать распространённость философии активизма. Для многих из названных в этой статье интеллектуальных лидеров 20–30-х их активистское мирозерцание было скорее «испанием» художественной фантазии, смелым «мыслеповоротом», порывом к новому, чем методичным научным поиском, многолетним созиданием «нового» и реальной ответственностью за достигнутые результаты.

Интуиция, здравый смысл, чувство меры позволяли Макаренко найти свой собственный педагогический корректив к самым грандиозным задачам своей эпохи и уберечь себя от крайностей, к которым побуждала эпоха и предрасполагало изнутри собственное мировоззрение активизма и культуртрегерства.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Явные тенденции философского антропоцентризма не оставляют сомнений в том, что Макаренко атеист. Для него не стоит вопрос о теоретической истинности атеизма. Главное, что вера в Бога вредна, она порабощает и парализует *активность* (в этом просматривается нищенский мотив влияния). Поэтому атеизм Макаренко прагматичен, а-теоретичен, выбран осознанно и окончательно.

В соответствии со своим мировоззрением цивилизатора и культуртрегера притчам о «милосердном самарянине» он противопоставляет своё кредо: «Бог, чёрт, души, человек, а о больницах, о дорогах, о светлых комнатах, о какой иной организации, о культуре ни одного слова. Карамазовы — русский стиль. Русское христианство! Пустосвяты и кислуплюи!» (Неизвестный Макаренко, 1993. С. 21). О типичности подобного умонастроения среди русской интеллигенции свидетельствует высказывание А.П. Чехова, которого Макаренко ценил за «очеловечивание конфликта»: «...в электричестве и паре больше любви к человеку, чем в целомудрии и воздержании от мяса».

Отношение к религии у Макаренко близко той позитивистской традиции в русской дореволюционной социологии, которая стала одной из главных детерминант его интеллектуальной биографии. П.Л. Лавров, например, относился к религии как к патологическому явлению, своеобразной форме душевного недуга, но сохранял к религии профессиональный интерес историка. Макаренко в «Педагогической поэме» определяет: «религиозность как особый вид сумасшествия, тяжёлое для больных, не опасное для окружающих».

Макаренко довольно редко высказывается на религиозные темы, но, как правило, в иронично-пренебрежительных интонациях. Главной причиной критики им христианской морали является её практическая невыполнимость.

Отношение Макаренко к христианству раскрывается в статье «О коммунистической этике» (1939) и в выступлении перед студентами МГУ «Коммунистическое воспитание и поведение» (1 марта 1939 г.). Сама тема христианской морали возникает в связи с разбором им таких понятий, как «коммунистическое воспитание и поведение» и «пережитки капитализма». К последним он относит черты потребителя жизни, молчаливо-безразлично взвешивающего на то, что будет завтра. Особо опасно, считает Макаренко, когда мотивы индивидуалистически-мещанского поведения глубоко скрыты (не осознаются личностью) или сознательно прячутся (мимикрия).

Причины пережитков Макаренко видит во всякой религиозной этической системе (православной, католической, иудейской), впитавшей в себя все противоречия эксплуататорского общества. Религиозная догматика и религиозный культ его не интересуют на том основании, что «троичность божества» или «непорочное зачатие» мало кем на протяжении двух тысяч лет воспринимались всерьёз. Религиозный культ сделан настолько грубо, — утверждает Макаренко, — что даже в относительно религиозное время народ расправлялся

с попами так же, как с помещиками, а в литературе и народном творчестве нет, кажется, ни одного образа, изображавшего церковников в виде, вполне адекватном их официальной святости.

Ценным в христианстве считает этику, которая «сделана искусно». «Если бы она была построена так же грубо, как мифология или догматика, нам сейчас пришлось бы наблюдать гораздо меньше пережитков». Макаренко критикует моральные нормы и реальный моральный опыт христианства.

Разумеется, Макаренко не отрицает простейшие христианские заповеди: не убий, не кради, не лжесвидетельствуй. Он отрицает их всепрощенческий пафос.

Непротивленчеству (нетребовательности), противоестественному смирению и кротости он в своей этике противопоставляет чёткое, выполнимое требование к личности.

Макаренко не приемлет крайний индивидуализм моральной нормы, предполагающий только индивидуальное совершенствование («праведнику» нет никакого дела до коллектива, общества, до ближнего), а также отмечает противоречивость христианской морали, что делает выполнение её норм невозможным, или является мученичеством самых волевых и сильных людей.

«Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, завтрашней, нашего обыкновенного поведения». Таков важнейший итог макаренковской теории морали.

«Логической осью нашего нравственного закона ни в какой мере не может быть обособленный индивид, безразлично относящийся к общественным явлениям. Наш поступок должен измеряться только интересами коллектива и коллективиста. Поэтому даже одноимённые добродетели, которые как будто признавали прежде и признаём мы, в сущности, совершенно различные явления. Честность «праведника» и честность коммунистическая — принципиально разные вещи. Честность всегда начиналась со слов «не хочу» —

не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за своё дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий».

Категоричность оценок христианской морали, даваемых Макаренко, связана не только с «искусностью» её норм, универсально приспособленных для «нужд эксплуататорского общества» (покорность и непротивление), но и с невозможностью применять её. Макаренко в выступлении перед студентами МГУ рассказал о своём желании практически использовать христианское осуждение пьянства и курения. Но это не привело и не могло привести к положительному результату, ибо возникает «лживая ситуация». Мы говорим «нельзя курить» и не имеем рычагов это требование привести в действие (христианская душа не позволяет выгнать курильщика из школы). Тогда курение продолжается, только не открыто при вас, а в самых вредных для ребёнка условиях.

Такая двойственность порождает лицемеров, хитрецов, людей «себе на уме» (их Макаренко называет «иисусиками», считая самым опасным и потенциально рецидивным типом личности). Справедливости ради надо сказать, что Макаренко никогда в своей практической работе не занимался антирелигиозной пропагандой

Близость духовных типов Макаренко и Горького проявляется и в религиозных вопросах. Упование на культуру и гордого, деятельного Человека имеет общий исток, вытекая из их богоборчества. Для Горького небеса пусты. Он ненавидит любую институционализированную религию. Горький — страстный богоборец. Он отрицает не несправедливость существующего капиталистического общества (это вариант Макаренко), а весь мировой порядок, как мир зла, созданный равнодушным и злым Богом. Мятеж против злого Бога не исключает любви к доброму Богу. Богоборчество Горького выступает в двух формах: как бунт против Бога и как соревнование с ним. Желание померяться силами не в господстве над миром, а в *созидании*, в преодолении косной материи. Горький мечтал создать Новую Землю и Нового Человека. Этот вызов звучит в своеобразном философско-религиозном манифесте активизма, которым Горький приветствует колонистов и самого Макаренко.

Религиозность Горького, его богоискательство предполагали ответ на вопрос, каким образом мир может быть изменён к лучшему. Одним из возможных вариантов решения проблемы можно считать его философско-религиозную теорию «энергетического коллективизма». Горький полагал, что коллектив способен аккумулировать энергию изолированных «я», преобразовывать косную энергию в чистую психическую энергию коллектива и осуществить коллективное бессмертие.

ОТНОШЕНИЕ К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Тема интеллигенции была весьма значимой как для Горького, так и для Макаренко. Для Горького, как человека нового в интеллигентской среде, её психологические черты — эксцентричность, нетерпимость, догматичность — как продолжение достоинств носителей общественной мысли и совести, являют собой и признаки интеллектуальной слабости. Горький обвиняет интеллигенцию в грехе индивидуализма, пагубном для самой личности и для культуры. Его отношение к интеллигенции изменялось, но всегда мерилом этого отношения было влияние интеллигенции на культуру.

Общность духовного типа Горького и Макаренко проявляется и в этом вопросе. Остановимся несколько подробнее на общем для них контексте, задаваемым сенсационным выходом «Вех» (1909) и развиваемым целым спектром антивеховских сборников «В защиту интеллигенции» (1909), «Интеллигенция в России» (1910) и др. После этого началась общенациональная дискуссия о характере и идеалах русской интеллигенции. Вовлечение в дискуссию всех образованных слоёв русского общества, всего спектра политических сил не смогло привести к общему знаменателю, но тем не менее выделило сущностные свойства интеллигенции.

Макаренко главным пороком интеллигенции считает её принципиальную бездеятельность, неумение сообща плодотворно работать, неспособность к организации и вместо неё — пребывание в обособленной героической стойке.

Свою позицию относительно интеллигенции Макаренко высказал в «Педагогической поэме», противопоставив жизненные позиции традиционной интеллигенции (наркомпросовцев) и новой (учредителей коммуны). «Как известно, у наших интеллигентов идеал похож на нахального квартиранта: он занял чужую площадь, денег не платит, ябедничает, въедается всем в печёнки, все пищат от его соседства и стараются выбраться подальше от идеала. Теперь я увидел другое: идеал не квартирант, а хороший администратор, он уважает соседский труд, он заботится о ремонте, об отоплении, у него всем удобно и приятно работать».

Макаренко особенно интересовала так называемая принципиальность как отличительная черта самоидентификации интеллигенции. У одних (наркомпросовцев) принцип — всегда повязка на глазах. У других принцип — это измерительный прибор, которым они пользуются так же спокойно, как часами, без волокиты, но и без поспешности угорелой кошки. «Я увидел, наконец, нормальную жизнь принципа, — резюмирует Макаренко, — и убедился окончательно, что моё отвращение к принципиальности интеллигентов было правильное. Ведь давно известно: когда интеллигент что-нибудь делает из принципа, это означает, что через

полчаса и он сам, и все окружающие должны принимать валерьянку.

Увидел я и много других особенностей: и всепроникающую бодрость, и немногословие, и отвращение к штампам, неспособность разваливаться на диване или укладывать живот на стол, наконец, весёлую, но безграничную работоспособность, *без жертвенной мины и ханжества, без намёка на отвратительную поведку «святой жертвы»*. И наконец, я увидел и ощутил осязанием то драгоценное вещество, которое не могу назвать иначе, как *социальным клеем*: это чувство общественной перспективы, умение в каждый момент работы видеть всех членов коллектива, это постоянное знание о больших всеобщих целях, знание, которое всё же никогда не принимает характера доктринёрства и болтливости пустого вяканья. И этот социальный клей не покупался в киоске за пять копеек только для конференций и съездов, это не форма улыбающегося трения с ближайшим соседом, это действительная общность, это единство движений и работы, ответственности и помощи, это единство традиций».

Макаренко считал себя «обыкновенным русским интеллигентом», однако всей своей жизнью стремился разрешить коренное противоречие интеллигентской жизни: между интеллектуализмом, образованностью, с одной стороны, и возмущавшей его бездеятельностью, практической никчемностью — с другой.

В своём детище — коллективе — Макаренко сумел «обрести почву», которой не имели многие «бесприютные» русские интеллигенты. Макаренкова критика интеллигенции, осуществляясь как бы изнутри, на основе интеллигентской саморефлексии, обнаруживает ту же позицию деятеля, созидателя, культуртрегера. Всё это, на мой взгляд, составляет существо философского и гражданского кредо Макаренко. **HP**